

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КИТАЯ И НАТО В АФГАНИСТАНЕ

ВАН ЛИ

Цзилинский университет, Чанчунь, Китай

Резюме

Каковы достижения политики, проводимой США в отношении Афганистана, за десятилетие, прошедшее с тех пор, как ведомая Соединёнными Штатами коалиция вторглась в эту мусульманскую страну? Что могло бы пойти иначе, если бы НАТО и Китай смогли наладить сотрудничество друг с другом после вывода американских войск из нее? И что сулил бы режим безопасности на основе сотрудничества Китая и НАТО другим странам, таким, как США, Россия, Индия и Пакистан в случае, если бы Китай согласился на принятие нормы R2P («ответственность по защите») в непосредственной близости от своих границ? Настоящее исследование имеет целью проанализировать важнейшие соображения по вопросам, почему и каким образом хорошие отношения между Китаем и НАТО могут способствовать повышению уровня безопасности на основе сотрудничества, внося свой весомый вклад в дело перехода к миру в Афганистане. Стратегическая глубина обеспечения безопасности Китая должна простираться на Центральную Азию, Ближний Восток и Россию, а также Центральную и Восточную Европу. Вследствие этого Китаю надлежит плотно сотрудничать с международным сообществом в вопросах оказания поддержки Афганистану в борьбе с терроризмом всех видов и типов, всемерно способствуя установлению в данном регионе мира, обеспечению стабильности и укреплению сотрудничества между всеми странами, так или иначе вовлечёнными в указанный конфликт.

Ключевые слова:

Китай; НАТО; Афганистан; США; режим безопасности на основе сотрудничества.

До наступления XXI века стратегическим взаимоотношениям между Китаем и НАТО уделялось мало внимания, что представляется совершенно естественным, поскольку с момента основания в 1949 г. и КНР, и НАТО представляли разные и глубоко враждебные друг другу лагеря. В частности, все страны НАТО признали правительство в Пекине легитимно представляющим Китай на международном уровне лишь спустя два десятилетия. И даже этот шаг не привел к стратегическому сближению сторон.

Тем не менее сегодня как для НАТО в целом, так и для отдельных стран ее членов отношения с Китаем остаются «важными и уникальными», являясь одной из основ европейской политики в области обе-

спечения безопасности, равно как и внешней политики [Vogt 2012: 69]. Вследствие этого необходимо прежде всего рассмотреть те изменения, которые произошли в представлениях сторон друг о друге со времён «холодной войны», и, в частности, точки зрения их элит на взаимное сотрудничество после вывода американских войск из Афганистана. Данная статья выступает в поддержку установления рабочих отношений между НАТО и Китаем с целью способствования установлению мира на этой пострадавшей от войны земле. Полезному сотрудничеству между сторонами способствует то, что НАТО остается крупнейшим в мире альянсом, а Китай становится мировой державой и к тому же непосредственно граничит с Афганистаном. В этой связи не-

обходимо возникают вопросы – если Китай и НАТО будут действовать совместно, то к каким результатам это может привести? И каковы доводы в пользу их совместной работы в свете неясных перспектив современного мирового порядка? Для того чтобы ответить на эти вопросы, надлежит прежде всего вспомнить, как НАТО и Китай искали пути друг к другу на протяжении прошедших десятилетий.

В 1949 г. мир тревожно приспособлялся к реалиям «холодной войны». Китай приступил к написанию новой главы своей истории, а Россия (тогда СССР) провела первые ядерные испытания, что незамедлительно привело к созданию НАТО, поскольку обеспечение безопасности трансатлантического альянса стало необходимо теперь для Запада насущной потребностью. Вопреки существовавшим в то время ожиданиям, именно КНР стал первой коммунистической державой, которой пришлось вести боевые действия непосредственно против стран НАТО – Соединённых Штатов, Великобритании, Турции и других. Неизбежность той войны проистекала из противостояния двух Корей, Северной и Южной, которые возманились силой изменить в свою пользу ситуацию, сложившуюся на полуострове. Последнее не могло не затрагивать интересы КНР в области обеспечения безопасности. С тех пор нормальный диалог между Китаем и НАТО оставался невозможным в течение двух десятилетий, то есть до 1970-х. Позже Генри Киссинджер высказал мнение, что Китаю следовало разрешить создавшуюся тупиковую ситуацию с Соединёнными Штатами и их союзниками посредством комбинации военных и дипломатических манёвров [Kissinger 1994: 491].

После восстановления отношений между Китаем и США в 1972 г. был произведён обмен послами также и с государствами Европейского экономического сообщества, и у Китая наладились более тесные отношения со всеми странами НАТО.

Более того, напряжённость между Китаем и СССР 1970-х годов привела Китай в лагерь сторонников Запада. В свою очередь, последний рассматривал КНР в качестве противовеса Советскому Союзу. Период с 1975 по 1989 год расценивался как эпоха взаимного доверия и открытого сотрудничества, включая даже, время от времени, обмен в военной области и консультации сторон по вопросам безопасности. При том что консультации эти носили скорее символический характер, в 1970-х годах Китай порой называли «шестнадцатым членом НАТО» [Shambaugh 1996: 12; Kissinger 2011: 373].

Позитивная динамика отношений сохранилась до конца 1989 года, когда Китай захлестнули социальнo-политические волнения, а вскоре после этого рухнул и советский блок. Страны НАТО наложили эмбарго на поставки вооружений Китаю, а общение между Пекином и Брюсселем на официальном уровне практически сошло на нет. Отношения обоюдного недоверия и взаимного неприятия сторон продлились до 1999 года, когда США преднамеренно разбомбили посольство КНР в Белграде¹. Представителям НАТО пришлось принести Пекину извинения, хотя этот дипломатический шаг и расценивался как символический.

Обращение к прошлому опыту развития отношений между Китаем и НАТО призвано продемонстрировать, что на внешние сношения Альянса нередко влияли как соображения безопасности, так и немалое давление, которое постоянно оказывалось Соединёнными Штатами. Ранее говорилось о наличии позитивных возможностей, равно как и о том, насколько важным является достижение прогресса в свете тех общих интересов, которые имеются у Китая и некоторых стран НАТО в международных делах. Наличие общих взглядов вовсе не является чем-то необычным для политики, проводимой НАТО или ЕС в области безопасности и внешней политики.

¹ Tom Bowman, "NATO Apologizes to China", The Baltimore Sun, May 9th, 1999, accessed April 6th, 2015, http://articles.baltimoresun.com/1999-05-09/news/9905090005_1_chinese-embassy-nato-embassy-bombing

1

Террористические акты 11 сентября 2001 г. внезапно изменили мир, однако этот вызов США также предоставил Пекину возможность покончить с той изоляцией на международной арене, которой подвергли Китай Соединённые Штаты и их союзники после 1989 года. Он вполне ею воспользовался. Вместе с тем, когда США и их союзники вторгались в Афганистан, они не интересовались мнением Пекина относительно развёртывания сил НАТО в непосредственной близости от одной из наиболее чувствительных зон безопасности Китая (Синьцзянь-Уйгурского района). Тем не менее руководство КНР неоднократно заявляло тогда, что борьба с терроризмом является общей задачей для всех государств.

Война в Афганистане, которая велась под руководством США, развивалась не так успешно, как ожидали ее инициаторы. Между тем мощь Китая росла постоянно и существенно. Поворотный момент наступил в марте 2010 года, когда генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен заявил: «Я не рассматриваю Китай как угрозу, я считаю, что нам следует развивать партнёрские отношения с целью совместного решения проблем, например, таких, как в Афганистане ... Первым шагом могло бы стать налаживание политического диалога на регулярной основе»². Это заявление стало сигналом Китаю, что он мог бы сыграть свою конструктивную роль в деле восстановления Афганистана после вступления в силу режима прекращения огня. Как показала практика, одни только военные действия не являются эффективным методом решения афганских проблем, что вполне подтверждается уроками истории – не даром Афганистан неоднократно называли «кладбищем империй».

После вывода основной массы американских войск из Афганистана, в стране остались нерешёнными серьезные проблемы. Такие, как неустойчивость правительства в Кабуле и возобновившиеся нападения группировок движения Талибан, не говоря уже о растущей угрозе со стороны ИГИЛ. Наряду с реализацией государственных проектов по развитию инфраструктуры, привлечению инвестиций, повышению геосейсмической безопасности и совершенствованию финансового менеджмента, Китай мог бы также осуществлять поставки в страну предметов первой необходимости.

В 2013 г. председатель Си Цзиньпин представил инициативу «Один пояс – один путь»³. Она вобрала в себя, наряду с прочим, планы закупок афганских товаров и предложения по сотрудничеству, а также изложение основных целей и средств, которые могут быть предоставлены в процессе восстановления Афганистана⁴. Поскольку Китай постоянно наращивает силу, причём как «жесткую», так и «мягкую», а также имея в виду перспективу стать в XXI веке ответственной глобальной державой, Пекин однозначно продемонстрировал намерение всемерно способствовать установлению рабочих отношений со всеми великими державами и международными объединениями и, в частности, с НАТО как крупнейшей военной организацией мира. При этом Китай изначально действовал с осторожностью, исходя из принципа «в авантюры не ввязываться» и настаивая на том, что любые отношения с Альянсом должны развиваться «в рамках скорее партнёрских отношений, нежели союзнических, в общепринятом смысле указанных терминов» [Gao Hua 2003: 59]. Общие интересы присутствуют лишь в таких областях, как борьба с терроризмом, налаживание двустороннего диалога и обеспечение кооперативной

² Cheng Guanjin & Cai xiao, "NATO Seeks Chinese Rebuilding Help for Kabul", China Daily, March 25th, 2010, accessed April 6th, 2015, http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2010-03/25/content_9638439.htm

³ Группа китайских проектов, направленных на реализацию концепции «экономического пояса» нового Шёлкового пути, см. http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=1868 – прим. перев.

⁴ Panda A. Afghanistan and China Opens a New Chapter, The Diplomat, October 29th, 2014, accessed April 10th, 2015, <http://thediplomat.com/2014/10/afghanistan-and-china-open-a-new-chapter/>

глобальной безопасности. При этом каждый партнер исходит, прежде всего, из собственных политических приоритетов. В этой связи для Китая предпочтительно налаживать взаимодействие с отдельными членами НАТО, преследуя совместные с ними цели, а также способствуя сохранению мира и стабильности на региональном уровне [Gao Hua 2003: 59]. Впрочем, последний тезис нередко оспаривается, поскольку изучение функций и структуры НАТО приводит к выводу, что такой подход представляется скорее желательным, нежели практически осуществимым.

В течение последних лет от Альянса неоднократно поступали сигналы о намерении провести с Китаем и другими странами консультации и наладить сотрудничество в целях борьбы с терроризмом в Афганистане, с учетом военной операции, проводимой НАТО. На саммите по вопросам безопасности, проходившем в феврале 2010 г. в Мюнхене, генеральный секретарь организации Расмуссен признал, что «проблемы с миссией в Афганистане наглядно продемонстрировали жизненную необходимость ускоренного налаживания постоянных и действенных связей с его соседями, такими, как Китай, Пакистан и Индия»⁵. В частности, Китай и Индия, постепенно выходящие на уровень великих держав и заинтересованные в сохранении стабильности в соседних государствах, могли бы немало способствовать поддержанию мира в Афганистане и восстановлению его истощённой войной экономики. Аналогично озабоченность ситуацией в этой центральноазиатской стране выражает и Россия, поскольку она, как и НАТО, заинтересована в обеспечении собственной безопасности. Альянс не только стремился разделить ответственность с региональными партнерами за Афганистан, но и поставил амбициозную цель увеличить численность афганских сил безопасности на 50 %, доведя её к 2011 г. до 305 000 человек, а также реформировать вооружённые

силы, повысив их потенциал до уровня, на котором они могли бы сами обеспечить безопасность и защиту жизненных интересов нестабильной страны. Одновременно Белый дом объявил о развёртывании дополнительного контингента численностью 30 000 человек, который должен был переломить ситуацию в борьбе с группировкой Талибан в преддверии вывода американских войск, который планировалось завершить к середине 2011 года [Li Xiao-Lu 2015: 168-170]. В дополнение к этому, НАТО приглашала Китай оказать помощь, распространив механизм обеспечения безопасности на основе сотрудничества на своего беспокойного соседа.

Однако, имея в виду сомнительность приобретаемых преимуществ, являлась ли предлагаемая Китаю ответственность оправданной? Каким именно образом Пекин и НАТО могли бы реагировать на общие «угрозы»? Те, кто воочию наблюдал за изменением ситуации в Афганистане, выступали за участие Китая в боевых действиях, чтобы вовлечённые в конфликт страны смогли распространить кооперативный режим обеспечения безопасности на ряд проблемных регионов, включая Афганистан и Средиземноморье, возможно, при посредстве НАТО, но для этого необходимо:

- быть готовыми внести изменения в нынешнюю норму ООН, регулирующую ответственность по защите (R2P), с перспективой восстановления в XXI веке консенсуса великих держав касательно норм;
- признать географическое разделение труда внутри НАТО, исходя из того, что страны, являющиеся членами НАТО, соглашаются взять на себя большую ответственность за острые кризисы по соседству, в то время как Соединённые Штаты более активно действуют в Азиатско-Тихоокеанском регионе [Flockhart, Quirk et al 2014].

Европе и Соединённым Штатам следует признать, что в условиях, когда их материальное и идеологическое доминирование

⁵ Cheng Guanjin, Cai Xiao. NATO Seeks Chinese Rebuilding Help for Kabul, China Daily, March 25th, 2010, accessed April 6th, 2015, http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2010-03/25/content_9638439.htm

становится всё менее очевидным, а также на фоне подъёма Китая и прочих потенциально великих держав, мировой порядок, основывающийся на ценностях и нормах Запада и поддерживаемый его мощью, более не может сохраняться в неизменном виде. Из этого следует, что «ведущим» державам необходимо найти с «восходящими» государствами точки соприкосновения, которые могли бы позволить им совместно построить в XXI веке новый мировой порядок, более совершенный и основанный на общих нормах. Нам довелось жить в эру геополитических перемен и нестабильности, и режим безопасности на основе сотрудничества заинтересованных государств может сыграть роль «страхового покрытия» на случай возникновения неблагоприятных ситуаций. Либеральные эксперты продолжают настаивать на «укреплении либерального якоря», благоразумно исходя из того, что глобальное партнёрство может быть построено посредством проведения консультаций и соблюдения прозрачности. Тогда мирное становление многополярного мира потребует компромиссов, терпимости и признания существующего политического плюрализма⁶. Если иметь в виду народ Афганистана, переживший столь длительные страдания, то здесь кооперативная безопасность может стать эффективной лишь при условии сближения НАТО с Пакистаном, Индией, Россией и, в особенности, Китаем на основе соблюдения интересов и взаимного уважения сторон.

2

Достижение консенсуса между державами и политическими объединениями возможно лишь при условии укрепления двусторонних или многосторонних отношений между ними и опоры на них. Как стабильность, так и безопасность в наиболь-

шей степени проистекают из наличия всеми признаваемого консенсуса. В международных отношениях консенсус обычно означает двусторонние или многосторонние соглашения относительно характера работоспособных режимов, а также касательно допустимых в международной политике целей и средств. Как писал Генри Киссинджер: это принятие структуры международного или регионального порядка всеми заинтересованными крупными державами. Нет сомнений в том, что консенсус между великими державами не в состоянии гарантировать единообразие их точек зрения, однако в случае возникновения критических ситуаций безопасность на основе сотрудничества может обеспечить сохранение стабильности и мира [Kissinger 2014: 65]. В международных отношениях КНР всегда стремилась укреплять «мягкую силу» и создавать надлежащую репутацию, при этом, однако, амбициозный и растущий Китай насущно нуждается в стабильной обстановке вдоль своих столь часто оспариваемых границ и поддерживает хорошие отношения со столькими иностранными государствами, со сколькими это возможно.

По-видимому, у Пекина отсутствует чёткая стратегия построения отношений с НАТО. Речь может идти скорее о ряде идей и тактических соображений самого общего характера. Однако наметившееся сближение Китая со странами Альянса уже расценивается как «мягкий вызов» гегемонии и даже, в долгосрочной перспективе, геополитическим интересам США⁷.

В афганский конфликт вовлечены шесть основных «игроков» – Соединённые Штаты, их союзники по НАТО, Пакистан, Индия, Россия и Китай. Пекин привык вести себя крайне осторожно и сдержанно на протяжении более чем десятилетия борьбы за стабильность в Афганистане,

⁶ Miglani S. China steps up Afghan role as Western Pullout nears, Reuters, June 3rd, 2012. Accessed May 4th, 2015, <http://www.reuters.com/article/2012/06/03/us-afghanistan-china-idUSBRE85203320120603>

⁷ Miglani S. China steps up Afghan role as Western Pullout nears, Reuters, June 3rd, 2012. Accessed May 4th, 2015, <http://www.reuters.com/article/2012/06/03/us-afghanistan-china-idUSBRE85203320120603>

предпочтя сосредоточить свои усилия на экономической области, наряду с прочим «застолбив» для себя на будущее поставки нетронутых богатств недр этой страны⁸. После того как возглавляемая США коалиция завершила боевые операции и перепоручила обеспечение безопасности силам, управляемым из Кабула, Китай, вместе с остальными располагающимися по соседству с Афганистаном державами: Россией, Пакистаном и Индией – намерен приступить к постепенной активизации своей деятельности в этой стране, что по-прежнему остаётся довольно рискованным вследствие наличия мятежных исламистов в значительных количествах. Тем не менее китайский лидер Ху Цзиньтао и его афганский коллега Хамид Карзай провели в ходе саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) 2012 г. официальные переговоры и затем подписали масштабный пакт, регулирующий взаимные связи сторон и обоюдные проблемы безопасности⁹. Исходя из практических соображений, за месяцы, предшествовавшие выводу войск, афганское правительство подписало также целый ряд затрагивающих вопросы безопасности соглашений о сотрудничестве, в том числе, с Соединёнными Штатами, Индией и Великобританией, что было названо одним из афганских официальных лиц обеспечением «страхового покрытия» на период после конца 2014 года, когда основная часть иностранных войск покинет страну¹⁰.

Для укрепления безопасности китайские лидеры приняли решение проводить на своих западных границах превентивную политику, попытавшись сыграть более ответственную роль на основе Устава ООН. После того как президент Си Цзиньпин

объявил инициативу «Один пояс – один путь», предусматривающую дальнейшую активизацию деятельности Китая за пределами собственной территории, вовлечение Пекина в афганские проблемы представляется совершенно естественным и логичным. Перспективы нынешнего правительства в Кабуле видятся довольно туманными, однако те дивиденды, которые может приобрести Китай, действуя в качестве ответственной державы, остаются привлекательными [Zhao Hua-sheng 2012: 3-5].

Здесь возникает вопрос о том, как относится Китай к НАТО в целом? Если вспомнить прошлое, то, в отсутствие приемлемых альтернатив, к концу 1980-х годов КНР привык видеть в Западной Европе важнейший источник высоких технологий, включая получение ряда образцов современной военной техники из Германии, Франции, Великобритании и Нидерландов, входящих как в ЕЭС, так и в НАТО [Kissinger 2011: 373]. После событий 1989 г. политическая ситуация существенно осложнилась, однако страна пришла к выводу, что в интересах Китая достичь взаимопонимания и добиться сближения с Альянсом, поскольку именно НАТО определяет политику, проводимую ЕС в областях безопасности и международных отношений. Со стратегической точки зрения Китаю необходимо взаимодействовать как с отдельными членами НАТО, так и со всем североатлантическим блоком в целом.

В ходе пресс-конференции 2011 г. Расмуссен ещё раз подчеркнул, что «Нынешние вызовы в отношении безопасности становятся всё более транснациональными, соответственно и отвечать на них надлежит с привлечением максимально широкого спектра партнёров, стран и международ-

⁸ Miglani S. China steps up Afghan role as Western Pullout nears, Reuters, June 3rd, 2012. Accessed May 4th, 2015, <http://www.reuters.com/article/2012/06/03/us-afghanistan-china-idUSBRE85203320120603>

⁹ China Established Strategic Partnership with Afghanistan, People's Daily, June 8th, 2012, accessed May 4th, 2015, <http://politics.people.com.cn/GB/1024/18120640.html>

¹⁰ Strategic Agreements, Office of the President of Islamic Republic of Afghanistan, accessed April 20th, 2015, <http://president.gov.af/en/documents/category/strategic-agreements>

¹¹ Secretary General's Annual Report 2011, NATO, January 26th, 2012. URL: http://www.nato.int/cps/en/SID-68267CB2-C8C6573E/natolive/opinions_82646.htm

ных организаций»¹¹. Таким образом, если исходить из специфики современных угроз и сокращения бюджетных возможностей, то именно кооперативная безопасность представляется наиболее целесообразной и эффективной. В пределах современного мирового порядка, открытого и многостороннего, НАТО следует рассматривать как одно из ключевых действующих лиц в деле поддержания глобального режима безопасности на основе сотрудничества и урегулирования кризисов. Для Китая предпочтительным был бы многосторонний и всеохватывающий мировой порядок, в котором он воспринимался бы как великая держава, ни в чём не уступающая наиболее могущественным силам на мировой арене [Scobell 2014: 22-23].

Если исходить из геополитической и геэкономической точек зрения, то НАТО/ЕС, США и Китай совместно представляют 60% мировой экономики. Соединенные Штаты располагают наибольшей военной мощью и являются крупнейшим потребителем. КНР предоставляет капитал и рабочую силу, а НАТО/ЕС, определяя нормы и предлагая технологии, способны, в долгосрочной перспективе, сыграть роль стратегического буфера между двумя крупнейшими державами. Таким образом, перечисленные игроки выступают в качестве системообразующих, их индивидуальные действия и решения оказывают существенное влияние на международные дела. Более того, стороны указанного треугольника могли бы стать основой для создания всеохватывающего механизма распределения ответственности, способного обеспечивать поддержание баланса взаимной выгоды без применения силы. В состоянии ли Китай и НАТО определиться с областями политического консенсуса? В текущем столетии именно Афганистан может стать одной из тем для консультаций по безопасности нового типа. В то же время после вывода основной массы американских войск и перехода к проведению операций по поддержанию стабильности под местным руководством стратегическая заинтересованность Альянса в этом регионе снизится.

Ещё одной темой для диалога НАТО-Китай является, вне всякого сомнения, Россия, будь то пребывающая в стагнации либо постепенно восстанавливающая былую мощь, ибо стратегический просчёт в данном вопросе способен превратить Москву в достаточно сложную для будущих отношений фигуру.

Наконец, как воспринимать текущий подъём Индии и каким образом на него реагировать — данный вопрос также является немаловажной темой для стратегического диалога НАТО-Китай, особенно если иметь в виду стратегические связи между Китаем и Пакистаном. Попытка сохранения «глобального консенсуса» по всем вопросам представляется обречённой на неудачу в свете имеющихся нормативных разногласий между КНР и Альянсом по вопросам прав и обязанностей в пределах морских исключительных экономических зон, не говоря уже о «необъявленном соперничестве» в киберпространстве и неспособности составить правильное суждение о намерениях друг друга [Herd 2012: 149-151]. Тем не менее проводившиеся раз в два года неофициальные двухсторонние переговоры превратились сначала в постоянный диалог, а затем наметились и перспективы стратегического партнёрства. НАТО/ЕС и Китай вполне могли бы наладить отношения стратегического партнёрства, распространяющегося на весь «институционализованный Запад», что позволило бы разработать консультативные программы, призванные облегчить проведение, под мандатом ООН, операций по приведению к миру региональных «горячих точек».

3

На раннем этапе проведения миссии НАТО в Афганистане правительство Китая наблюдало за происходящим с настороженностью, что объяснялось наличием проблем внутри страны и болезненной чувствительностью к ним мусульман за её пределами. В 2008 г. премьер-министр Великобритании Гордон Браун обсуждал возможность включения китайских войск в

«Международные силы содействия безопасности» (ISAF), развёрнутые в Афганистане. Позже военное руководство США также приглашало коллег из КНР принять участие в логистической сети войск НАТО [Zhao Hua-sheng 2012: 3]. Пекин отклонил оба предложения, придерживаясь общепринятого принципа невмешательства.

Тем не менее Китай интенсифицировал дипломатические усилия по оказанию помощи в построении мирного и стабильного Афганистана посредством проведения региональных совещаний по данному вопросу в Турции и укрепления двухсторонних связей с Кабулом¹². Намерение Китая играть более инициативную роль мотивируется различными соображениями. *Во-первых*, являясь одной из крупнейших держав региона, он хочет, чтобы в нём видели ответственного и заслуживающего доверия участника процесса содействия безопасности и процветанию в Афганистане, что позволило бы ему упрочить свою репутацию в мире. *Во-вторых*, играть более транспарентную роль в Афганистане в интересах самого Китая как с экономической точки зрения, так и с точки зрения безопасности. Президент Си Цзиньпин и его советники уделили большое внимание развитию добрососедских отношений в целях продвижения инициативы «Один пояс — один путь» и её распространения на как можно большую часть Евразии. В настоящее время разнообразные перспективные вызовы безопасности вынуждают Китай укреплять сотрудничество в области безопасности со странами-партнёрами в регионе¹³. Это позволяет Китаю претендовать на роль «добросовестного посредника» между множеством соперничающих сторон афганской политики. В частности, в начале 2015 г. Китай проводил трёхсторонний диалог

с участием ключевых официальных лиц из Пакистана и Афганистана, имевший целью обсуждение усилий по урегулированию отношений с Талибаном¹⁴. Пекин впервые напрямую и открыто включился в процесс стабилизации этой уязвимой страны. В этой связи Джанан Мусазай, пресс-секретарь афганского министерства иностранных дел, однозначно отметил, что правительство в Кабуле приветствовало бы любые усилия, направленные на установление мира в Афганистане. «У Китая тесные связи с Афганистаном. У него имеются также очень тесные связи с Пакистаном, и, если Китай поможет нам приблизить наступление мира и стабильности в Афганистане, мы приветствуем это»¹⁵. Параллельно Китай регулярно проводил встречи по афганскому вопросу с представителями России, Индии, Ирана и, конечно же, Пакистана.

Впрочем, НАТО продолжает оставаться ключевым игроком в деле разрешения афганского кризиса. Отлично понимая это, Китай стремится обеспечить безопасность через сотрудничество с Альянсом. Есть все основания для того, чтобы Китай и НАТО действовали совместно в духе взаимопонимания и взаимного уважения. При этом отношение Соединённых Штатов к будущей роли Китая в процессе мирного урегулирования в Афганистане остаётся неоднозначным. *Во-первых*, США будут открыто отстаивать либеральный международный порядок, основывающийся на свободной торговле, социальном прогрессе и демократических государствах с рыночной экономикой, при более выраженной военной сфере и сфере безопасности, которая будет жить лишь на двух столпах, а именно на возобновлении взаимных обязательств с Европой посредством под-

¹² Turkey Committed to Istanbul Process, Xinhua English News, October 1, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/world/2014-11/01/c_1133757645.htm, accessed 6th September 2015.

¹³ Yan Shaohua, "Why the 'One Belt One Road' Initiative Matters for the EU?", *The Diplomat*, April 9th, 2015

¹⁴ The First Round of China-Afghanistan-Pakistan Trilateral Dialogue Held in Kabul, Foreign Ministry of China, February 10, 2015, URL: http://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/wjbxw/t1236606.shtml

¹⁵ Li Ke-qiang, "China willing to play constructive role in Afghan reconstruction", Xinhua news, December 16, 2014. URL: http://news.xinhuanet.com/english/china/2014-12/16/c_127306705.htm

писания нового «Трансатлантического договора» и на новой редакции политики сдерживания в Азиатско-Тихоокеанском регионе, основывающейся на возрождении здесь былых союзов торговых партнёров и оборонительных альянсов. *Во-вторых*, в ответ на смещение регионального центра тяжести в направлении Китая, растущую независимость стран и становящуюся всё более ожесточённой конкуренцию за невозобновляемые энергетические ресурсы и сырьевые материалы НАТО использует существующие и создаёт новые региональные партнёрства с целью создания противовеса Китаю в Центральной, Южной и Восточной Азии. Данное соображение подтверждается тем, что Филиппины, Япония, Республика Корея, Австралия, Новая Зеландия, Вьетнам и даже Индия именно с указанной целью создают региональные организации без участия КНР или намереваются утвердить программы сотрудничества с НАТО в Восточной и Южной Азии [Herd 2012: 142].

Поддержка США могла бы быть предложена европейскими союзниками по НАТО в обмен на обязательства Соединённых Штатов в вопросах экономической безопасности и солидарности, что представляется наиболее необходимым в отношении Китая, который эффективно использует свой статус кредитора и резервы в объёме 3,2 трлн долларов США для того, чтобы напрямую формировать правила игры в сферах глобальной торговли и финансов.

Белому дому, похоже, институциональный вес и политическая легитимность НАТО, действующей при посредстве Североатлантического совета, представляются более важными, нежели боеспособность и военная эффективность союзников по альянсу. В Восточной Азии, где последствия подъёма Китая проявляются особенно явно, боеспособность и военная эффективность союзников США и их партнёров будут столь же важны, сколь и та политическая легитимность, которую такая система альянсов могла бы принести [Herd 2012: 143]. В то время как некоторые специали-

сты по анализу стратегических проблем ожидают, что КНР вступит в открытое военное и идеологическое противостояние с США, другие полагают, что Пекин желает занять переднее сиденье в кабине глобального руководства рядом с Соединёнными Штатами в качестве равноправного партнёра. Тем не менее фактически Китай то ли не способен, то ли не желает восстанавливать синоцентрический региональный порядок, не говоря уже о достижении глобальной гегемонии.

Подобная сдержанность, в частности, призвана развеять подозрения России. Как отметил в 1990-х годах Збигнев Бжезинский: «Ни один русский, обеспокоенный будущим своей страны, не может игнорировать тот факт, что Китай продвигается по пути модернизации более динамично и, пожалуй, более успешно, нежели Россия» [Brzezinski 1997: 93-95]. В результате странам Центральной Азии, располагающим гигантскими минеральными и энергетическими ресурсами, приходится следовать геополитическим и геоэкономическим интересам Китая. Эти новые реалии неизбежно затрагивают безопасность России в её новых границах как на Дальнем Востоке, так и в Центральной Азии. Аналогично Индия и Соединённые Штаты с тревогой наблюдают подъём Китая с его обширными интересами в этой бескрайней зоне обеспечения безопасности.

Конечно же, Соединённые Штаты предпочли бы использовать коалиции других членов НАТО и их военные возможности в надежде достичь политического консенсуса. Для противодействия КНР это представляется необходимым как в части военных возможностей, так и для обеспечения политической легитимности. Как отмечается в декларации Чикагского саммита: «НАТО не является всего лишь военным альянсом, целостность которого обеспечивается угрозами извне, напротив, ныне Североатлантический союз более чем когда-либо представляет собой сообщество либеральных демократических ценностей и норм. НАТО поддерживает стремление населения рассматриваемого региона к де-

мократии, свободе личности и верховенству права, что лежат в основе существующего Альянса»¹⁶. Лояльность, солидарность, взаимное доверие и уверенность, а также общие история, традиции и идеология – вот что в первую очередь и более всего помогает членам альянса поддерживать друг с другом отношения, обеспечивающие безопасность. Впрочем, в отношении Китая их определённо следует рассматривать как идеологическую «угрозу» безопасности КНР.

* * *

С 2014 г. внешняя политика Китая в отношении Афганистана стала более инициативной и динамичной. В октябре в Пекине прошла встреча четырёх министров иностранных дел в рамках «Стамбульского процесса» (международной инициативы, запущенной в 2011 г. с целью стимулирования сотрудничества и координации между Афганистаном, его соседями и региональными партнёрами). Впервые проведя данное мероприятие, Китай продемонстрировал всему миру желание и способность взять на себя инициативу в содействии «мягкой» передаче власти после президентских выборов в Афганистане 2014 года и передачи афганскому руководству функции обеспечения безопасности, последовавшей за выводом контингента Международных сил содействия безопасности и боевых частей США в декабре 2014 г. [Li Xiao-lu 2015: 166]. Встреча в рамках «Стамбульского процесса» (2015) продемонстрировала также серьёзное отношение КНР к достижению регионального и международного консенсуса в вопросах восстановления Афганистана. Аналогично, Китай надеется использовать многосторонние рамки для того, чтобы предложить свои собственные идеи по вопросам обеспечения для Афганистана безопасного бу-

дущего, после чего заручиться поддержкой других государств для реализации своего подхода¹⁷. Способно ли НАТО предложения, исходящие от Китая?

История показывает, что идеологическая солидарность является важным мотивом для вступления в альянс, на что указывал Стивен Уолт [Walt 1990: 37]. Впрочем, Китай и НАТО не стремятся к заключению союза в общепринятом значении, речь идёт скорее о новом типе режима безопасности на основе сотрудничества в Афганистане. Кроме того, консенсус, достигнутый сторонами, основывается не на идеологии, которая обычно предписывает транснациональное единство. Откровенно говоря, Китай и большинство стран НАТО склоняются скорее к классической, нежели к новой дипломатии, продвигаемой США под лозунгами демократии, свободы и прав человека. Из этого следует, что, несмотря на различия в социальных ценностях и нормах, у КНР и НАТО отсутствуют конфликты на почве идеологии, которые приводят к конфронтации между государствами.

С дипломатической точки зрения у Китая, по сравнению с НАТО и Соединёнными Штатами, имеются даже преимущества при позиционировании себя в качестве возможного посредника между различными группировками в афганской политике, а также при обеспечении координации между Афганистаном и его соседями, что должно сыграть заметную роль в деле обеспечения безопасности и восстановления этой страны. Консенсус, достигнутый между державами, мог бы способствовать обеспечению мирной передачи власти в Афганистане. Кроме того, ШОС, как региональный режим безопасности, в который вовлечено большинство соседей Афганистана и прилегающих к ним стран, выступает важной многосторонней платформой для координации политических линий, проводимых в от-

¹⁶ NATO Chicago Summit Declaration: Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in Chicago on 20 May 2012, Press Release O62, 2012. Para.39. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_87593.htm

¹⁷ China's Foreign Minister Wang Yi, Speech on China's Diplomacy in 2014 at Center for SCO Studies, Shanghai Academy of Social Science, January 6, 2015. URL: <http://www.coscos.org.cn/a/scoevents/2015/0116/668.html>

ношении Афганистана. В частности, в феврале 2015 года, после трёх предшествующих раундов переговоров, в Кабуле прошёл первый раунд трёхстороннего стратегического диалога с участием Китая, Пакистана и Афганистана. Аналогичные переговоры имели место также между Китаем, Россией и Индией, равно как и второй раунд переговоров между Китаем и Ираном¹⁸.

Отношение Соединённых Штатов к роли Китая в Афганистане временами бывало весьма противоречивым. Сначала Вашингтон призывал Пекин к увеличению помощи, оказываемой Афганистану, и взятию на себя там большей ответственности. Однако, когда КНР пошла навстречу этим пожеланиям, некоторые в Белом доме забеспокоились по поводу роста ее влияния. Предвосхищая затруднительное положение, в котором могли оказаться некоторые члены НАТО, Пекин однозначно и чётко заявил, что у него отсутствует намерение заполнять любого рода лакуны в безопасности, оставленные в нестабильном Афганистане Соединёнными Штатами. Высшему руководству НАТО хорошо известно о данной дилемме, поскольку нынешнее состояние дел с безопасностью в Афганистане не даёт поводов для оптимизма, а экономика страны находится в руинах. Растущая мощь и влияние Китая в Афганистане отвечают обязательствам Пекина в отношении инвестирования ресурсов и распределения ответственностей, однако это не следует рассматривать как попытку приобретения контроля [Herd 2012: 144].

Как отметил министр иностранных дел Ван И на Шанхайском форуме в мае 2015 года, с политической точки зрения Китай демонстрирует готовность и способность играть конструктивную роль в процессе примирения Афганистана и его послевоенного восстановления¹⁹. Хотя и представ-

ляется очевидным, что посредничество во внутренних конфликтах остается делом рискованным, с большими шансами на неудачу, чем на успех, однако и КНР достаточно хорошо «экипирована» для исполнения роли миротворца. Не так давно прошли визиты высокопоставленных деятелей обеих стран друг к другу, включая заместителя командующего Народно-освободительной армии Китая генерал-лейтенанта Ци Цзяньго, который тайно посетил Афганистан в качестве специального представителя президента КНР.

Экономическая помощь Китая Афганистану также существенно возросла. Только в 2014 г. Китай предоставил Афганистану помощь в объёме 500 млн юаней (80 млн долларов США) и пообещал предоставить ещё 1,5 млрд юаней (240 млн долларов США) в течение ближайших трёх лет. Кроме того, Китай согласился обучить 3000 афганских специалистов в различных областях, таких, как антитеррор, борьба с незаконным оборотом наркотических средств, сельское хозяйство и дипломатия. В рамках проводимой Китаем стратегии «Экономического пояса Великого шёлкового пути» (ещё одно название инициативы «Один пояс — один путь») у обеих стран будет масса возможностей для дальнейшего ещё более тесного сотрудничества²⁰.

Китай придерживается мнения, что политическое урегулирование между руководством Афганистана и движением Талибан создаст наилучшие пути перестройки страны. Для его достижения Китай предстает непредвзятым, уверенным в себе и готовым сотрудничать как с НАТО, так и с прочими великими державами игроком. Ожидается, что пост-афганская эпоха предоставит Китаю и НАТО реальные возможности для их дальнейшей эволюции от соперников до стратегических партнёров.

¹⁸ Yan Shaohua. Why the 'One Belt One Road' Initiative Matters for the EU?, *The Diplomat*, April 9th, 2015.

¹⁹ China's Foreign Minister Wang Yi, Speech on China's Diplomacy in 2014 at Center for SCO Studies, Shanghai Academy of Social Science, January 6, 2015. URL: <http://www.coscos.org.cn/a/scoevents/2015/0116/668.html>

²⁰ Clarke M. Understanding China's Eurasian Pivot—one belt one road strategy provides a guide to the future of China in Eurasia, *The Diplomat*, September 15, 2015.

Список литературы

- Brzezinski Zb.* Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives. New York: Basic Books, 1997. 223 p.
- Flockhart T., Quirk P., et al.* New Report: NATO Should Adapt Geographic Division of Labor, Work with China in Mediterranean. Transatlantic Academy, May 2, 2014, URL: <http://www.transatlanticacademy.org/publications/liberal-order-in-a-post-western-world>
- Gao Hua.* China Starts Dialogue with NATO // World Economy and Politics. – 2003 – Issue 6.
- Herd G.* Shifting Power Dynamics: Implications of the U. S. Strategic Pivot for China–NATO Relations // China and World / ed. Liu Debin, Beijing: China Social Sciences Press, 2012, pp. 149–151.
- Kissinger H.* Diplomacy. NY: Simon & Schuster, 1994. 912 p.
- Kissinger H.* On China. New York: The Penguin Press, 2011. 586 p.
- Kissinger H.* World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History, London: Allen Lane, 2014. 420 p.
- Li Xiao–Lu.* Afghanistan Issue: its Trend and Impact on China // Foreign Affairs Observer. – 2015. – No. 3. Pp. 168–170.
- Scobell A.* Sino–U.S. Military Cooperation: How do we dance together // Foreign Affairs Observer. – 2014. – No. 3, pp. 22–23.
- Shambaugh D.* China and Europe: 1949–1995. Contemporary China Institute Research Notes & Studies, 1996. 82 p.
- Vogt R.* Limitations for Europe’s Partnership with China // China and Europe: Strategic Partners or Rivals / ed. by Roland Vogt. Hong Kong: Hong Kong University Press, 2012. P. 59–80.
- Walt St.* The Origins of Alliances. N.Y.: Cornell University Press, 1990. 321 p.
- Zhao Hua–sheng.* China and Afghanistan: Chinese Interest, position and opinions // Russian Studies. – 2012 – No. 117.

CHINA AND NATO IN AFGHANISTAN POTENTIAL AND CHALLENGES FOR CONCERTED ACTION

WANG LI

Jilin University, Changchun, 130012, China

Abstract

What has US policy towards Afghanistan achieved since the US-led coalition launched an invasion of the landlocked Islamic country one decade ago? What might have been done differently if NATO and China had cooperated with each other after the United States troops withdrew from the war-worn land? What does a cooperative security regime between China and NATO offer to other countries like U.S., Russia, India and Pakistan once China agrees to take the norm of R2P in its neighbor? This article explores the underlying reasons why and how good relations between China and NATO might enhance cooperative security and contribute to a peaceful transition in Afghanistan. Taking into account the question raised above, this paper argues that China’s strategic depth should be secured to include Central Asia, the Middle East, Russia and East-Central Europe. Therefore, it is necessary for China to work closely with the international community in order to assist Afghanistan in the war against all sorts of terrorism and to make regional peace, to preserve its stability and to promote cooperation with all countries involved.

Key words:

China; NATO; Afghanistan; U.S.; cooperative security regime.

References

- Brzezinski Zb. (1997). *Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*. New York: Basic Books. 223 p.
- Flockhart T., Quirk P., et al. (2014). *New Report: NATO Should Adapt Geographic Division of Labor, Work with China in Mediterranean*. Transatlantic Academy. URL: <http://www.transatlanticacademy.org/publications/liberal-order-in-a-post-western-world>
- Gao Hua. (2003). China Starts Dialogue with NATO. *World Economy and Politics*. Issue 6.
- Herd G. (2012). Shifting Power Dynamics: Implications of the U. S. Strategic Pivot for China–NATO Relations. In *China and World*. ed. by Liu Debin, Beijing: China Social Sciences Press. pp. 149–151.
- Kissinger H. (1994). *Diplomacy*. NY: Simon & Schuster. 912 p.
- Kissinger H. (2011). On China. New York: The Penguin Press. 586 p.
- Kissinger H. (2014). *World Order: Reflections on the Character of Nations and the Course of History*. London: Allen Lane. 420 p.
- Li Xiao-Lu. (2015). Afghanistan Issue: its Trend and Impact on China. *Foreign Affairs Observer*. No. 3. Pp. 168–170.
- Scobell A. (2014). Sino–U.S. Military Cooperation: How do we dance together // *Foreign Affairs Observer*. No. 3, pp. 22–23.
- Shambaugh D. (1996). China and Europe: 1949–1995. *Contemporary China Institute Research Notes & Studies*. 82 p.
- Vogt R. (2012). Limitations for Europe's Partnership with China. In *China and Europe: Strategic Partners or Rivals* ed. by Roland Vogt. Hong Kong: Hong Kong University Press. P. 59–80.
- Walt St. The (1990). *Origins of Alliances*. N.Y.: Cornell University Press. 321 p.
- Zhao Hua-sheng. (2012). China and Afghanistan: Chinese Interest, position and opinions. *Russian Studies*. No. 117.